

Дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев
дворянское гнездо Роман И. С. Тургенева.

Вопрос о том, что должны и что могут читать девицы, до сих пор не вполне решен, несмотря на его важность в деле женского воспитания. Есть много замечательных художественных произведений, которые, представляя жизнь как она есть, рассматривая и обсуживая явления современности, отыскивая в них общечеловеческую сторону, объясняя их историческим развитием народности, заслуживают полного внимания всякого просвещенного человека и удовлетворяют всем требованиям самой тонкой эстетической критики. Чтение таких произведений необходимо для всестороннего образования как мужчины, так и женщины; а между тем часто случается, что в подобных произведениях есть две-три сцены, слишком откровенно разоблачающие несовершенства жизни и слабости человеческой природы. Тут потребности умственной жизни сталкиваются и приходят в борьбу с понятиями, принятыми в обществе и освященными временем, - рождается вопрос: читать или не читать девушке такое произведение? и вопрос этот решается различно, смотря по взгляду на вещи родителей и воспитателей. Иногда пуританство доходит до таких размеров, что из рук девушки вырывают всякий роман, всякую книгу, в которой встречается слово "любовь"; при этом обыкновенно обращают преимущественное внимание не на мысль, не на направление книги, а на внешнюю форму, на слова и выражения. Согласить подобные мнения, еще живущие в нашем обществе, с сколько-нибудь жизненным взглядом на образование и на ту роль, которую должно играть в образовании чтение, невозможно; идти прямо наперекор принятым понятиям общества, не обращать на них никакого внимания также нельзя. Этим можно только возбудить недоверие и озлобление в приверженцах прежнего порядка вещей; их нужно убеждать разумными доводами, а не раздражать смелыми, но бесполезными выходками. Что же остается делать, встречаясь с такими произведениями, каково, например, "Дворянское гнездо", последний роман И. С. Тургенева? {Помещено в январской книжке "Современника" нынешнего года, а теперь вышло особою книгой.} Пройти его молчанием нельзя, во имя любви к нашей словесности, во имя того, что "Дворянское гнездо" вместе с "Рудиным" представляет собою полный результат художественной деятельности одного из наших первоклассных писателей.

Рекомендовать его для чтения девицам трудно: в положении главных действующих лиц, в самой завязке романа многое горькой жизненной истины. А что слишком истинно, то, как известно, принято до времени скрывать. Находясь в подобном затруднительном положении, мы решились выбрать среднюю дорогу. Мы указали родителям и воспитателям на те препятствия, которые могут встретиться при чтении "Дворянского гнезда"; теперь мы постараемся в нашем отчете, минуя частности и подробности, показать, почему необходимо познакомить девиц с этим во всех отношениях замечательным произведением. И. С. Тургенев, как известно, вероятно, всем нашим читательницам, знакомым с "Записками охотника", с "Рудиным", с "Затишьем", с "Муму", с "Асею", - истинный художник, и художник преимущественно русский. Русская национальность выражается как в создании русских типов, так и в отношении самого художника к создаваемым им типам. Действующие лица повестей и рассказов Тургенева живут одною жизнью с своим автором. Выразимся точнее: у каждого из выведенных лиц есть что-то общее с автором, какая-нибудь точка соприкосновения: в понимании вещей, в складе ума представляемых личностей есть такие оригинальные черты, такие неуловимые, но характеристические частности, которые вырабатывает только русская жизнь, которые может оценить и подметить только человек, сжившийся с этой жизнью, одаренный тем же национальным складом ума, перечувствовавший на себе интересы и стремления, волновавшие русское общество, и притом перечувствовавший их так, как чувствует и воспринимает их русский человек. Знание русской жизни, и притом знание не книжное, а опытное, вынесенное из действительности, очищенное и осмысленное силой таланта и размышления, оказывается во всех, произведениях Тургенева и особенно ярко выражилось в "Дворянском гнезде", самом стройном и законченном из его созданий. Все действующие лица его романа, начиная от русской девушки Лизы и кончая русским лакеем старых времен Антоном, в высшей степени оригинальны и жизненны; все они созданы из тех элементов, которые все мы знаем и из которых, со временем реформы Петра, мало-помалу слагается наша общественная и частная жизнь. Все они - представители настоящего или непосредственного прошедшего. Есть между ними и лучшие люди, есть и дюжинные; но ни один из них не обогнал своего века, ни один, подобно Штольцу, не является предвестником будущего, и, следовательно, ни одного из них нельзя, подобно Штольцу, упрекнуть в том, что он лицо, произвольно созданное автором из таких элементов, которые еще не сделались достоянием

Дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org нашей жизни. Тургенев в своем романе не говорит нам о том, что должно быть; он представляет нам то, что есть. Дидактизма нет и тени; а между тем "дворянское гнездо" – вполне поучительный роман: он рисует современную жизнь, оттеняет ее хорошие и дурные стороны, объясняет происхождение выведенных явлений и вызывает читателя на серьезные и плодотворные размышления. Когда мы изучаем историю, нам редко удается заглянуть в душу людей известной эпохи, не всегда удается перенестись в круг их понятий, объяснить себе, как смотрят они на себя, на мир, на свои отношения к обществу, к семейству и к человечеству. Такие черты не заносятся в летописи, где говорится только о войнах, мирных договорах и действиях государей. Внутренняя, духовная жизнь эпохи может отразиться только в художественном произведении. На этом основании некоторые подобные произведения стоят наряду с драгоценнейшими историческими памятниками. К числу таких произведений можно отнести "Евгения Онегина", "Героя нашего времени", "Мертвые души", "Обломова" и "Дворянское гнездо". Онегин, Печорин и Обломов воплотили в себе различные фазы болезни века, поражавшей лучших представителей прошлого поколения; "Мертвые души" и "Дворянское гнездо" представили в ряде свежих, жизненных картин быт и понятия среднего класса нашего общества. "Мертвые души" обнимают собою преимущественно отрицательные явления этой жизни, ее "бедность, да бедность, да несовершенства"; "Дворянское гнездо" берет ее лучших представителей и показывает нам, что в них есть хорошего и чего недостает, что следовало бы добавить и исправить. В названных нами произведениях высказалась вторая четверть XIX столетия; в них прослежен весь процесс внутренней жизни и развития нашего общества в этот период времени.

Приступим теперь к изложению мысли автора, выраженной им в выборе и группировке главных действующих лиц романа. Не имея возможности касаться всех личностей и положений, мы ограничимся анализом трех характеров, в которых, по нашему мнению, довольно полно и ясно выразилась основная мысль. Мы будем говорить только о Паншине, о Лаврецком и о Лизе, упоминая об остальных личностях настолько, насколько они оттеняют или объясняют собою черты их характера или процесс, их развития.

Владимир Николаевич Паншин – чиновник, артист, светский человек, очень неглупый и довольно образованный, схвативший на лету карьеру, положение в обществе и даже довольно современный, но очень поверхностный взгляд на вещи; он прекрасно характеризуется одним словом угрюмого, ученого, но забитого жизнью музыканта Лемма. "Он – дилетант", – говорит старый немец о молодом и блестящем светском человеке, умеющем соединять с своими успехами в обществе практический взгляд на административную деятельность и внешнюю, очень приличную, но вовсе не искреннюю восприимчивость к разнообразным проявлениям изящного. За Паншина заступается в разговоре с Леммом Лизавета Михайловна Калитина. "Вы к нему несправедливы, – говорит она: – он все понимает и сам почти все может сделать". – "Да, – продолжает музыкант: – все – второй номер, легкий товар, спешная работа. Это нравится, и он нравится, и сам он этим доволен: ну, и браво". В этих правдивых словах добросовестного труженика обрисован весь Паншин: он – дилетант и во вседневной жизни, и в служебной своей деятельности, и особенно в искусстве, которое под его руками превращается вполне в изящную игрушку, в talent de societe или d'agrement. {Талант светского общества или приятного обхождения (франц.). – Ред.} Паншин не служит никакому делу, не предан никакой идее, не выработал себе никакого твердого, дорогого убеждения; прожить весело и спокойно, нравиться окружающим людям, рисоваться перед ними разнообразными дарованиями и чистотою нравственных правил, возбуждать их изумление и благоговение вычитанною и кстати приведеною мыслию и, наконец, путями всех этих разнородных, пустых, но в сущности безгрешных успехов достигнуть под старость высокого чина и обеспеченного состояния – вот цель Паншина в жизни, и этой цели он наверное достигнет, потому что он человек умный, не настолько безнравственный или смелый, чтобы оскорбить какою-нибудь проделкою даже самое чуткое общественное мнение, и не настолько благородный и пылкий, чтобы всею душою принять какое-нибудь убеждение и во имя этого убеждения пожертвовать карьерою и временными выгодами. Паншин – сухой человек, применяющий и общие идеи и высшие стремления к мелким выгодам своего _я_, но в то же время тщательно скрывающий от всех других свой узкий эгоизм. Он драпируется и постоянно играет роль. То он является государственным человеком, заботящимся о трудах народа и горячо принимающим к сердцу все, что может упрочить его благосостояние и содействовать его развитию. В этом случае его пылкие и, по-видимому, вдохновенные речи отличаются преобладанием общих мест и незнанием истинного дела, незнанием народного характера и народной жизни. То он прикидывается художником, умно

дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org говорит о Шекспире и Бетховене, с чувством поет, с видом знатока кладет широкие штрихи на единственный ландшафт, который рисует во всех альбомах знакомых дам и девиц. Здесь Лемм, истинный художник по чувству и специалист своего дела но знаниям, прямо угадывает его неискренность и смело говорит, что он неспособен верно понимать и глубоко чувствовать. То Паншин просто является добрым, откровенным малым, у которого нет ни затаенной мысли, ни расчета, человеком, увлекающимся минутными порывами, поддающимся мимолетным впечатлениям и способным, по живости и беспечности характера, наделать глупостей и поставить себя в затруднительное и неловкое положение. Тут притворство его обнаруживается тем, что он, являясь на словах добрым и простым малым, на деле держит себя самым политическим образом. Он шутит, фамильярничает, позволяет себе вольности, но настолько, насколько можно; он никогда не забывается. Шутки его иногда оскорбляют личности; но он шутит только с беззащитными людьми, с теми, кто стоит ниже его, или с теми, кто не поймет иронии и примет ее за чистую монету. Нельзя сказать, чтобы Паншин постоянно сознательно лгал, играя свои роли: он сам уверен, что он и артист, и администратор, и славный малый. Потому он чрезвычайно доволен всею свою особою вообще и каждым из своих прекрасных качеств в особенности; он актер, увлекающийся свою ролью и забывающий действительность. Действительности своей он собственно и не знает: вечно рисуясь и перед другими и перед собою, он не успел возвыситься до беспристрастного размышления над самим собою и никогда не задавал себе существенного вопроса: чем он должен быть и что он на самом деле? На самом деле Паншин – человек одного разбора с Молчалиным ("Горе от ума") и Чичиковым ("Мертвые души"); он приличнее их обоих и несравненно умнее первого. Поэтому, чтобы достигнуть тех же целей, к которым идут и Молчалин и Чичиков, чтобы далеко обогнать того и другого, Паншину не нужно будет ни ползать, ни мошенничать: достаточно будет улыбнуться в одном месте, сказать ловкую фразу в другом, почтительно выслушать нелепое рассуждение в третьем, прикинуться рыцарем чести в четвертом – и на избранника судьбы широкою рекою польются земные блага. Чичиков и Молчалин – мелкие торгаши, оттого к ним и прилипает грязь их ремесла; Паншин – промышленник большой руки, и потому он останется барином и честным человеком, не по убеждению, а потому, что оно и выгодно и спокойно. По внутренним свойствам души он ничем не лучше обоих своих предшественников, цель в жизни у них одна; все различие заключается только во внешнем образовании да во внешней обстановке. Таких людей формирует наше общество, оно воспитывает их с малых лет в своих салонах или канцеляриях; оно потворствует им своим благоволением и позволяет им достигнуть желанной цели, ежели они идут к ней осторожно и прилично, не производя скандала и не марая себя вопиющею безнравственностью. В романе Тургенева Паншин представлен в одну из самых светлых минут своей жизни: он любит достойную девушку. Чувство, по-видимому, очень благородное, но тут надо принять в соображение три обстоятельства:

- 1) Он любит девушку очень богатую, девушку, которая во всех отношениях представляется ему приличною, почти блестящею партией.
- 2) Он продолжает рисоваться перед любимою девушкою во все продолжение романа; он рисуется торжественною важностию, когда делает предложение, рисуется мрачным спокойствием, когда впоследствии получает отказ. Чувство во все продолжение действия не вызвало у него ни одного живого, задушевного, нерассчитанного слова.
- 3) Он не понимал и не знал любимой девушки; разговор их вертелся в общих сферах музыки, живописи, поэзии. Он говорил о них как дилетант и светский человек. Она слушала его равнодушно и отвечала прилично, потому что в разговоре не было одушевления, не было и откровенности. Зная одну наружность девушки и довольствуясь этим знанием, он не мог любить сильно; в тот самый день, когда неблагоприятно решилась его судьба, он с живейшим удовольствием пел, играл в карты и вел пустой разговор с женщиною, не заслуживавшою ни уважения, ни сочувствия развитого человека. Вот каков Паншин!

Лаврецкий – человек много переживший, испытавший и радость и горе, вдумывавшийся в себя и в свои отношения к людям и выработавший себе наконец, путем серьезных занятий, путем размышлений и опыта, уменье владеть своим внутренним миром, сдерживать порывы чувства и мириться с жизнью, несмотря на ее мрачные стороны, несмотря на те страдания, которые выпадают в ней на долю людей с развитым умом и нежным чувством. Все участие Лаврецкого в действии романа представляется рядом незаслуженных страданий,

Дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org среди которых крепнет и формируется его мужественная личность, крепнет, не черствея, не теряя живой восприимчивости ко всему изящному в природе и в человеке. Его, как он сам выражается, с детства вывили уродливым воспитанием, от последствий которого ему трудно оправиться до зрелого возраста; в нем пробудили любознательность и не направили ее, ему не дали даже элементарных сведений, а между тем бросили в его свежую и здоровую голову несколько идей, взятых из философии XVIII века, пересаженных на русскую почву и понятых особенным, оригинальным образом; суровым, почти спартанским воспитанием ему придали полноту и крепость физических сил - и не указали исхода этим силам. До двадцати трехлетнего возраста его не познакомили ни с жизнью, ни с наукой, в нем развили только твердость воли, и эта твердость пригодилась ему на то, чтобы, не пугаясь упущенного времени, приняться за перевоспитание самого себя. Но между тем жизнь не ждет и предъявляет свои права, заставляет его идти вперед тогда, когда нет еще ни опытности, ни умения осмысливать свои поступки, когда дело перевоспитания только что началось. Лаврецкий делает промах в жизни, - промах, не легший пятном на его совесть, но окончательно испортивший его будущую участь. Последствия этого промаха - неудачного и неосторожного выбора жены по первому впечатлению - развиваются в романе и составляют его главную завязку. Лаврецкий является на сцену уже человеком 35 лет, уже знакомый с тяжелым страданием. Первое впечатление горести уже пережито им; но в душе остались неизгладимые следы. Он не дал горю опутать и обессилить себя, не стал им рисоваться перед самим собою, но, взглянувшись в свое положение, сказал себе просто, что не видит впереди возможности счаствия и наслаждения; он мирится с этою безнадежностью и при этом примирении умеет уберечься от той апатии, в которую часто впадают люди, обманутые жизнью. Наслаждения жизни кончились, говорит он себе, но остались обязанности, и это сознание неисполненного долга, - сознание, что он может и должен быть полезен окружающим и зависящим от него людям, дает ему силы жить, не ожидая и не требуя ничего от жизни. Лаврецкий не признает себя разочарованным, и он действительно не разочарованный: он не возводит собственного, случайного несчастия в общее правило, не смотрит с недоверием и насмешкой на чужие радости, не чувствует к людям отвращения, не отвергает в них существования добра, хотя, конечно, не верит ему с прежним, юношеским увлечением. Он не может себе представить, чтобы сам он мог еще раз помолодеть душою и испытать счастье взаимной любви; но, когда это счастье встречается с ним, он не отталкивает его, начинает ему верить и предается своему новому чувству без боязни, без мрачных предчувствий, с полным, святым наслаждением, которым он дорожит тем более, что уже знает ему цену и что не смел более надеяться на него. Несчастье действует на людей различно, смотря по степени их ума и нравственных сил: одних оно убивает, повергает в апатию или ожесточает; это люди с слабою волею, тратящиеся на исполнение мелких прихотей и изменяющие им тогда, когда нужно бороться и терпеть, или это люди с узким и не вполне развитым умом, - люди, неспособные обсуживать своего положения, - люди, выводящие общие правила из мелких случайностей, становящиеся на ходули и считающие себя какими-то несчастными избранныками, жертвами, гонимыми роком. Их бессильная злоба на то, что они называют своею судьбою, кажется им законным и великим чувством; а ежели посмотреть на дело со стороны, то увидишь, что эта злоба так же беспредметна, как смешон гнев ребенка, удариившегося об стол и старающегося выместить на нем свою боль. К числу таких жалких, больных людей, окисляющихся под влиянием несчастия, принадлежат все герои Байрона и его последователей, - герои, возбуждавшие такое благоговение и сочувствие в начале нынешнего столетия. Других людей несчастье возвышает и очищает. В них спят не сознанные ими самими душевые силы; чтобы пробудить эти силы, нужен иногда сильный толчок, который, разрывая связь человека с окружающими его внешними предметами, принудил бы его оглянуться на себя и привести в известность свое внутреннее достояние. Таким толчком бывает несчастье. После такого толчка эти люди становятся терпимее к другим; они полнее понимают чужие страдания и живее сочувствуют чужим радостям, хотя подчас и грустно становится у них на душе; несчастье делается для них школою; из тяжелого опыта они выносят уменье сдерживать и осмысливать свои порывы, уменье различать людей, уменье выбирать наслаждения и довольствоваться тем, что есть, не требуя невозможного и не мучаясь произвольно создаваемыми фантазиями и сомнениями. Только таких людей можно назвать людьми крепкими и нравственно здоровыми. К числу таких людей принадлежит Лаврецкий, Он не отступает от борьбы, пока можно бороться, и умеет покоряться молча, с мужественным достоинством, там, где нет другого исхода. Последнюю способностью обладают немногие. На личности Лаврецкого лежит явственно обозначенная печать народности. Ему никогда не изменяют русский, незатейливый, но прочный и здравый практический смысл и русское добродушие, иногда угловатое и неловкое, но всегда искреннее и

дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org неприготовленное. Лаврецкий прост в выражении радости и горя; у него нет возгласов и пластических жестов, не потому, чтобы он подавлял их, а потому, что это не в его природе; он, как русский человек, страдает про себя и способен скорее к тихому чувству, к заунывности, к продолжительной тоске, о которой поют наши народные песни, нежели к бурным взрывам отчаяния и к стремительным движениям страсти. В драматические минуты его жизни в нем иногда шевелятся грубые, дикие чувства; но они не омрачают рассудка и, тотчас подавленные размышлением, замирают в груди, не найдя себе выхода. У Лаврецкого есть еще одно чисто русское свойство: легкий, безобидный, полузадумчивый, полуигривый юмор проникает собою почти каждое его слово; он добродушно шутит с другими и часто, смотря со стороны на свое положение, находит в нем комическую сторону и с тою же добродушно шутливостью относится к собственной личности и затрагивает такие предметы, которых воспоминание заставляет сердце обливаться кровью. Когда случается ему укорять себя в чем-нибудь, он редко укоряет серьезно, с желчью или с негодованием. Он никогда не впадает в трагизм; напротив, отношение его к собственной личности тут остается юмористическим. Он добродушно, с оттенком тихой грусти, смеется и над собою и над своими увлечениями и надеждами.

Личность Лаврецкого рельефно выдвигается в романе Тургенева, тем более что она оттенена с двух сторон: с одной стороны ее оттеняет космополит и мелкий эгоист Паншин, с другой - энтузиаст, мечтатель, претендующий на титул фанатика, Михалевич. В первом господствует копеечный расчет; во втором непомерно развито чувство, не допускающее никакого рассуждения и не обращающее внимания на опыт; в первом все искусственно и размеренно, во втором все широко и размашисто - и стремления, и надежды, и внешнее обращение; первый смотрит на жизнь как на спекуляцию, в которой можно выиграть столько-то выгод, столько-то почестей, столько-то наслаждений; второй видит в ней фанатическое самоотверженное служение какому-то долгу, обширному, великому, о котором он, впрочем, сам не составил себе ясного понятия. Лаврецкий держит средину между тем и другим; его рассудок сдерживает чувство, а чувство охраняет его от сухости и черствости; он не выходит из границ здравого смысла, но и не останавливается на чисто положительной, сухо практической стороне жизни; он живет всеми сторонами своего существа и стремится к полной, примиряющей гармонии. Столкновение Лаврецкого с Паншиным показывает различие между заносчивым дилетантом-космополитом, суждющим о народности, которой он не знает, и человеком жизни, патриотом без претензий, основательно знающим нужды своих соотечественников и действительно сочувствующим интересам их развития.

Столкновение Лаврецкого с Михалевичем обнаруживает слабые стороны их обоих. Бесцельный энтузиазм Михалевича составляет резкую противоположность с медленностию и нерешительностию Лаврецкого. Первый кричит о долге и деятельности, но не выходит из общих мест и сам не может определить, чего он требует; второй знает свои обязанности, но, по свойственной русским людям обломовщине, долго собирается взяться за дело, мешкает и бесполезно тратит время. Лаврецкий - не энергический человек, хотя в нем много жизненных сил и здорового ума; недостаток энергии, которым вообще страдает русская народность, происходит в нем, быть может, просто от физиологических или климатических условий. Оттеняя собою его хорошие качества, эта черта придает его личности последнюю определенность и сообщает его образу печать поэтической жизненной правды. Личность Лаврецкого во все продолжение романа совершенствуется и очищается путем тяжелых испытаний; она достигает полного своего развития уже в эпилоге. Лаврецкий является там человеком пожилым; он кончил навсегда личные расчеты с жизнью, взялся за серьезное и полезное дело и в этом деле нашел себе ежели не счастье, то по крайней мере разумное, достойное мыслящего человека успокоение. Г. Тургенев показывает нам Лаврецкого в такую минуту, при такой обстановке, которая может служить пробным камнем его нравственных сил; он приводит его после восьмилетнего отсутствия в те места, в которых он думал во второй раз найти счастье, в которых быстро промелькнул его роман, получивший такую печальную связь. На знакомых местах уже нет знакомых людей; их место заменило новое поколение, которое резвится и смеется, перед которым широко и безоблачно открывается жизнь. Лаврецкий погружается в свои воспоминания и в то же время прислушивается к шумным восклицаниям свежих, молодых голосов. Он задумывается, ему становится грустно, в его душу напрашиваются образы и звуки былого, а между тем вокруг него роскошная, расцветающая жизнь громко и смело предъявляет свои права на настоящее, и Лаврецкий от чистого сердца, без желчи и без зависти, признает эти права и желает счаствия молодому поколению. Ему грустно от воспоминаний, а не от чужого веселья. Эта черта, превосходно выраженная в конце эпилога, доказывает, что Лаврецкий достиг полной гармонии, полной победы над мелким и завистливым эгоизмом, растравляющим душевые раны и служащим основою той мизантропии, которую

Говоря о личности Лаврецкого, мы не можем не обратить внимания наших читательниц на те замечательные главы, в которых автор представляет генеалогию своего героя и рисует ряд фамильных портретов, начиная от прадеда Лаврецкого, русского барина старого покроя, "мрачного, жестокого и своенравного, жившего, вероятно, еще тогда, когда реформа Петра едва коснулась верхних слоев нашего общества. В этих главах очерчено широкими штрихами несколько чрезвычайно характерных личностей, не похожих друг на друга и между тем носящих на себе один общий отпечаток русской народности. Значение духа нашей старины, значение тех идей и влияний, которые выносило в себе наше общество с половины XVIII века, и, наконец, то удивительное пониманье русского человека разных времен и слоев общества, которое отличает собою произведения Тургенева, выражались в этих главах как в группировке личностей, так и в выборе немногих, но чрезвычайно характерных: подробностей.

В начале нашей статьи мы заметили, что все действующие лица "Дворянского гнезда" целиком взяты из современности, что ни одно из них ни в каком отношении не обогнало своего века, хотя многие относятся к его лучшим представителям. Это замечание оказалось применимым к личностям Паншина и Лаврецкого. Один из них - чистое порождение испорченного общества; другой, успевший выработать себе более самостоятельную нравственную физиономию, также является нам сыном своего народа, русским человеком, выносившим в себе все влияния, или, по выражению одного современного критика, все веяния эпохи. {1} Эти веяния выражались и в его воспитании и в событиях его жизни. Но самым ярким подтверждением нашего замечания мы считаем характер Лизаветы Михайловны Калитиной, одной из самых грациозных женских личностей, когда-либо созданных Тургеневым. Лиза - девушка, богато одаренная природою; в ней много свежей, неиспорченной жизни; в ней все искренне и неподдельно. У нее есть и природный ум и много чистого чувства. По всем этим свойствам она отделяется от массы и прымкает к лучшим людям нашего времени. Но богато одаренные природы рождаются во всякое время; умные, искренне и глубоко чувствующие девушки, не способные на мелкий расчет, бывают во всяком обществе. Не в природных качествах души и ума, а во взгляде на вещи, в развитии этих качеств и в их практическом применении должно искать влияния эпохи на отдельную личность. В этом отношении Лиза не обогнала своего века; личность ее сформировалась под влиянием тех элементов, которых различные видоизменения мы ежедневно встречаем в нашей современной жизни. Чтобы яснее высказать нашу мысль, мы позволим себе провести параллель между Ольгою Сергеевной Ильинского, стоящую на несколько десятилетий впереди нашего времени, и Лизою, современною русскою девушкою. У той и другой природные качества почти те же: та же искренность и естественность, тот же природный здравый смысл, та же женственная мягкость и грация поступков и душевых движений. Обе они резко отделяются от массы светских барышень, обе они стоят неизмеримо выше их; но на этом и останавливается сходство. В Ольге есть живая любознательность, в Лизе ее не заметно; в Ольге женственность совмещается с ее смелостию мысли, со способностию оценивать и критиковать личности, со стремлением к умственной самостоятельности; в Лизе женственность выражается в робости, в стремлении подчинить чужому авторитету свою мысль и волю, в нежелании и неумении пользоваться врожденной проницательностью и критическою способностию. Ольга, любя Обломова, разгадывает его личность и честно, открыто говорит ему, что он ей не по плечу, что они вместе не могут быть счастливы; Лиза, не любя Паншина, отказывается обсуживать его личность и, по воле матери, готова сделаться его женою. От этого ложного шага в жизни ее спасает не собственное размышление, выручившее Ольгу, а постороннее влияние. Ежели при этом взять во внимание, насколько личность Обломова чище и возвышеннее личности Паншина, ежели сообразить, какое влияние должно было иметь на суждение девушки чувство, то нетрудно будет убедиться в том, что между Ольгою и Лизою существует значительное различие. Ольга сознает свое личное достоинство; на нее уже пахнуло воздухом свободы, до нее коснулось веяние новых идей о самостоятельности женщины как человеческой личности, имеющей полное право на всестороннее развитие и на участие в умственной жизни человечества. Эти идеи пустили в ней такие глубокие корни и принесли такие прекрасные плоды, каких еще в наше время нельзя и ожидать. Лиза стоит вне действия этих идей; она по-прежнему считает покорность высшему добродетелью женщины; она молча покоряется, насильно закрывает себе глаза, чтобы не видеть несовершенств окружающей ее сферы. Помириться с этой сферой она не может: в ней слишком много неиспорченного чувства истины; обсуживать или даже замечать ее недостатки она не смеет, потому что считает это

дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org предосудительно или безнравственною дерзостию. Потому, стоя неизмеримо выше окружающих ее людей, она старается себя уверить, что она такая же, как и они, даже, пожалуй, хуже, что отвращение, Которое возбуждает в ней зло или неправда, есть тяжкий грех, нетерпимость, недостаток смирения. При случае, где только есть какая-нибудь возможность, она даже готова уверить себя, что чужой проступок или чужое горе произошли по ее вине, что она слезами и молитвою должна загладить свое невольное, никогда даже не совершенное, но тем не менее тяготеющее над нею преступление; ее чуткая совесть находится в постоянной тревоге; не выработав в себе критической способности, боясь предоставить себя своему природному здравому смыслу, избегая обсуживания, которое она смешивает с осуждением, Лиза во всяком движении своем, во всякой невинной радости предчувствует грех, страдает за чужие проступки, упрекает себя в том, что заметила их, и часто готова принести свои законные потребности и влечения в жертву чужой прихоти. Она - вечная и добровольная мученица. Личность ее получает от этого особенную, трогательную прелест; но ежели взглянуть на дело серьезно, не поддаваясь той инстинктивной симпатии, которую внушает с первого взгляда привлекательный образ молодой девушки, то нельзя не заметить, что Лиза идет по ложной и опасной дороге. Истинным можно назвать только такое развитие, которое ведет нас к нравственному совершенству и заставляет нас находить счастье в самом процессе самосовершенствования. Такое развитие должно пробуждать в нас потребности и в то же время давать нам средства удовлетворять этим потребностям, должно вести эти стремления к определенной и разумной цели. Но ежели мы будем требовать от себя невозможного, ежели, во имя неправильно понятой буквы нравственного закона, мы постоянно будем недовольны собою, ежели мы постоянно будем тратить свою энергию на совершение ненужных подвигов смирения и самоотвержения, тогда мы только измучим и истомим себя, отравим себе самые благородные и невинные радости жизни, выпустим из рук собственное разумное счастье и омрачим спокойствие и счастье близких людей своими добровольными и бесполезными страданиями. Ежели самодовольство ведет к умственной неподвижности, то и достоянное, фанатическое стремление к недостижимому идеалу, стоящему выше человечества, ведет к ослаблению нравственных сил, как неумеренные гимнастические упражнения изнуряют физические силы. Истинное развитие должно вести к равновесию всех сил человеческой души. У Лизы равновесие было нарушено. Воображение, настроенное с детства рассказами набожной, но неразвитой няньки, и чувство, свойственное всякой женской, впечатлительной природе, получили полное преобладание над критическою способностью ума. Считая грехом анализировать других, Лиза не умеет анализировать и собственной личности. Когда ей должно на что-нибудь решиться, она редко размышляет: в подобном случае она или следует первому движению чувства, доверяется врожденному чутью истины, или спрашивает совета у других и подчиняется чужой воле, или ссылается на авторитет нравственного закона, который всегда понимает буквально и всегда слишком строго, с фанатическим увлечением. Словом, она не только не достигает умственной самостоятельности, но даже не стремится к ней и забывает в себе всякую живую мысль, всякую попытку критики, всякое рождающееся сомнение. В практической жизни она отступает от всякой борьбы; она никогда не сделает дурного поступка, потому что ее охраняют и врожденное нравственное чувство и глубокая религиозность; она не уступит в этом отношении влиянию окружающих, но когда нужно отстаивать свои права, свою личность, она не сделает ни шагу, не скажет ни слова и с покорностью примет случайное несчастье как что-то должное, как справедливое наказание, поразившее ее за какую-то воображаемую вину. При таком взгляде на вещи у Лизы нет орудия против несчастия. Считая его за наказание, она несет его с благоговением, не старается утешиться, не делает никаких попыток отряхнуть с себя его гнетущее влияние: такие попытки показались бы ей дерзким возмущением. "Мы были наказаны", - говорит она Лаврецкому. За что? на это она не отвечает; но между тем убеждение так сильно, что Лиза признает себя виновною и посвящает всю остальную жизнь на оплакивание и отмаливание этой неведомой для нее и несуществующей вины. Восторженное воображение ее, потрясенное несчастным происшествием, разыгрывается и заводит ее так далеко, показывает ей такой мистический смысл, такую таинственную связь во всех совершившихся с нею событиях, что она, в порыве какого-то самозабвения, сама называет себя мученицею, жертвою, обреченною страдать и молиться за чужие грехи. "Нет, тетушка, - говорит она: - не говорите так. Я решилась, я молилась, я просила совета у бога. Все кончено; кончена моя жизнь с вами. Такой урок недаром; да я уж не в первый раз об этом думаю. Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грехи и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Вас мне жаль, жаль мамаши, Леночки; но делать нечего. Чувствую я, что мне

дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org не житье здесь, я уже со всем простилась, всему в доме поклонилась в последний раз. Отывает меня что-то, тошно мне, хочется мне запереться навек. Не удерживайте меня, не отговаривайте; помогите мне, не то я одна уйду..." И так кончается жизнь молодого, свежего существа, в котором была способность любить, наслаждаться счастием, доставлять счастье другому и приносить разумную пользу в семейном кругу... и какую значительную пользу может принести в наше время женщина, какое согревающее, благотворное влияние может иметь ее мягкая, грациозная личность, ежели она захочет употребить свои силы на разумное дело, на бескорыстное служение добру. Отчего же уклонилась от этого пути Лиза? Отчего так печально и бесследно кончилась ее жизнь? Что сломило ее? Обстоятельства, скажут некоторые. Нет, не обстоятельства, ответим мы, а фанатическое увлечение неправильно понятым нравственным долгом. Не утешения искала она в монастыре, не забвения ждала она от уединенной и созерцательной жизни: нет! она думала принести собою очистительную жертву, думала совершить последний, высший подвиг самоотвержения. Насколько она достигла своей цели, пусть судят другие. Говоря о воспитании Лизы, г. Тургенев дает нам ключ к объяснению как нравственной чистоты ее убеждений, не потускневших от вредного влияния неразвитого общества, так и излишней строгости и односторонности ее взгляда на жизнь.

В воспитании Лизы все было направлено к развитию чувства. Важнейшим элементом этого воспитания было пламенное религиозное чувство ее няни, попечениям которой она почти исключительно была предоставлена. Наука, до сих пор не приобретшая права гражданства в женском образовании, не могла благотворна действовать на ее ум. Искусство, именно музыка затронула ее эстетическое чувство, но не расширила круга ее понятий. Раскрывавшаяся душа, ее жадно воспринимала серьезные рассказы няни, проникнутые восторженным, правдивым чувством. Воображение ребенка получило несопоставимое развитие, а ум остался робким и неразработанным. Лиза сделалась набожной, она горячо полюбила добро и истину, она вынесла из своего детства теплую веру и твердые нравственные правила, но на этом она и остановилась; распоряжаясь своими правилами, применять их к жизни, находить присутствие духа во всяком положении, обдумывать свои поступки. и определять свои обязанности размышлением, а не слепым порывом чувства - этого она не умеет, потому она руководствуется инстинктом или авторитетом, создает себе призраки, изнемогает в неестественной борьбе с самыми законными своими побуждениями, ставит себе в вину это изнеможение и, наконец, утомленная внутренними волнениями, решается покинуть все, что ей дорого, и принести последнюю жертву. Из женских характеров, существующих в нашей литературе, Лиза представляет всего более сходства с Татьяной Пушкина: в той и в другой заметен перевес чувства и воображения над умом; разница только в том, что у Татьяны чувство и воображение, воспитанные на романах, порождают в ней болезненную мечтательность, работают над созданием романического героя и, наконец, воплощают этого героя в лице Евгения Онегина, неспособного составить счастье умной и чувствительной женщины. У Лизы чувство и воображение воспитаны на возвышенных предметах; но они все-таки развиты несопоставимо, берут перевес над мыслительной силой и также ведут к болезненным и печальным уклонениям. Это преобладание чувства над рассудком выражается в самых разнообразных формах и составляет в современных женщинах явление до такой степени распространенное, что в педагогической литературе неоднократно высказывалось мнение, будто оно так и должно быть, будто и преподавание в женских учебных заведениях должно сообразоваться с этим необходимым свойством женской природы. Мы уже позволяли себе выражать противоположное мнение; {2} повторяем его и теперь; женщине, как и мужчине, дана одинаковая сумма природенных способностей; но воспитание женщины, менее реальное, менее практическое, менее упражняющее критические способности (нежели воспитание мужчины), с молодых лет усыпляет мысль и пробуждает чувство, часто доводит его до неестественного, болезненного развития. Истинная цель реформы, совершающейся на наших глазах в женском воспитании, состоит, насколько мы ее понимаем, именно в том, чтобы уравновесить в женщине ум и чувство, чтобы приучить ее самостоятельно думать, анализировать себя и других и последовательно, без увлечения, но с искренним и глубоким чувством проводить в жизнь добытые убеждения. В этом пробуждении женщины к действительной жизни, к умственной деятельности в самом обширном значении этого слова, - в этом пробуждении, говорим мы, заключаются задатки прогресса для всего нашего общества. Повторяя теперь уже высказанное нами мнение, мы считаем себя вправе подтвердить наши слова авторитетом "двух замечательнейших художников нашего времени, Тургенева и Гончарова. Первый высказал свое мнение об образовании женщины в создании личности Лизы и в своем отношении к этой личности: он сочувствует ее

дворянское гнездо. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org прекрасным качествам, любуется ее грацией, уважает твердость ее убеждений, но жалеет о ней и вполне сознается, что она пошла не по тому пути, на который указывают человеку рассудок и здоровое чувство. Гончаров сказал свое слово в личности Ольги, уравновешивающей в себе мысль и чувство. Поднялось множество голосов, сказавших, что женщины, подобных Ольге, в нашем обществе нет; но никто не говорил, чтобы образ Ольги был неженствен, чтобы в нем не было поэтической правды. Это суждение дает нам право сказать, что Ольга русская женщина нового поколения, еще не вступавшего в жизнь. Требования, которые выразил Гончаров в создании этой личности, невыполнимы теперь; но они законны и могут быть выполнены впоследствии, быть может в скором времени. Сравнивая современную девушку Лизу с будущей девушкой Ольгою, мы можем определить тот путь, по которому должно пойти образование женщины, можем заранее рассчитать те результаты, которых оно должно достигнуть.

В заключение нашей статьи еще раз возвратимся к Лизе и обратим внимание читательниц на то, как ее личность оттенена двумя женскими фигурами: матери ее, Марьи Дмитриевны, и тетки, Марфы Тимофеевны. Первая представляет собою тип очень распространенный в нашем обществе: это взрослый ребенок, то есть женщина без убеждений, женщина, не привыкшая к размышлению и почти потерявшая способность мыслить; она живет и дышит одними светскими удовольствиями, свойственными ее уже пожилым летам; ей нравятся "пустейшие и безнравственные люди; семайною жизнию она не живет, любви детей и влияния над ними приобрести не умела; она любит чувствительные сцены и щеголяет расстроеными нервами и сентиментальностию. Словом, она ребенок по развитию, только лишина ребяческой грации и чистоты. Марфа Тимофеевна – умная и добрая женщина старого века, не получившая никакого образования, но одаренная здравым смыслом и тою проницательностию, которую обыкновенно приобретают под старость умные люди, много видевшие на своем веку и не пропускавшие виденного без внимания. Марфа Тимофеевна – старушка энергическая и деятельная, с резкими и угловатыми манерами, говорящая правду в глаза и не скрывающая ни своего отвращения к некоторым сомнительным личностям, ни своего доброго расположения к тем, кого она любит. Марфа Тимофеевна набожна, но без фанатизма; она не терпит лжи и безнравственности, но допускает терпимость убеждения, не стесняет свободы совести окружающих ее людей. Ей противны гости Марьи Дмитриевны, как пустые и вздорные люди, а Лаврецкого она любит, хотя знает, что расходится с ним в самых существенных понятиях. Практический смысл, мягкость чувств при резкости внешнего обращения, беспощадная откровенность и отсутствие фанатизма – вот преобладающие черты в личности Марфы Тимофеевны, превосходно очерченной в романе Тургенева. Поставленная между этими двумя женскими личностями, Лиза является в самом выгодном свете: резкость приговоров, неженственная смелость и придиличность Марфы Тимофеевны оттеняют собою ее скромность, стыдливость и грациозную нерешительность. Что касается до Марьи Дмитриевны, то вся ее неискренняя, жеманная, бесцветная личность составляет разительный контраст с серьезною, сосредоточенною, строгою фигурою дочери, проникнутой и воодушевленной одним принципом, истинным и прекрасным, но доведенным до крайности. Контраст этот действует тем сильнее, что Марья Дмитриевна – живой тип, такая женщина, каких очень и очень много. Как истинный художник, Тургенев не мог и не должен был высказать свою мысль резко: он показал в личности Лизы недостатки современного женского воспитания, но он выбрал свой пример в ряду лучших явлений, обставил выбранное явление так, что оно представляется в самом выгодном свете. От этого идея автора не бросается прямо в глаза. Ее надо отыскать, в нее надо вдуматься; но зато она тем полнее и неотразимее действует на ум читателя. Чем менее художественное произведение сбивается на поучение, чем беспристрастнее художник выбирает фигуры и положения, которыми он намерен обставить свою идею, тем стройнее и жизненнее его картина, тем скорее он достигнет ею желанного действия. Ежели изображена действительность во всем блеске и разнообразии ее явлений и ежели все эти явления, как бы нечаянно выхваченные художником из известной нам жизни, говорят нам одно и то же, тогда нельзя не убедиться. Тут мы уже верим не слову художника, а тому, что говорят факты, что засвидетельствовано самою жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Обломов"

Роман И. А. Гончарова

"Дворянское гнездо"

Роман И. С. Тургенева

"Три смерти"

Рассказ графа Л. Н. Толстого

Впервые опубликованы в "журнале наук, искусств и литературы для взрослых девиц" "Рассвет" за 1859 г. (разбор "Обломова" в э 10 журнала, "Дворянского гнезда" - в э 11 и "Трех смертей" - в э 12). В первое издание сочинений не вошли, хотя в объявлениях о составе этого издания, приложенных к первым его выпускам, и указывалось, что они будут помещены в ч. 10. Здесь воспроизводятся по тексту журнала.

1 Выражение "веяние эпохи" было впервые пущено в оборот Аполлоном Григорьевым.

2 Мнение о том, что женщине, как и мужчине, дана одинаковая сумма природенных способностей, и о необходимости сделать воспитание женщины более реальным Писарев высказал в ряде рецензий, опубликованных в журнале "Рассвет" за 1859 г. (см. в т. I шеститомного издания Павленкова сочинений д. И. Писарева рецензии на "Записки добной матери", "Образование женщин среднего и высшего состояния", "Частные женские пансионы", "Еще о женском труде", "Парижские письма" М. Михайлова, "Журнал для воспитания", "Русский педагогический вестник" и др.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfedor.ru/> Приятного чтения!